МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

(Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанныя собственною его рукою).

I.

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабка въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ къ Кудиновнѣ, — грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней, года два, по церковной азбучкѣ, зубрилъ азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ къ приходскому пономарю: училъ наизустъ «Часовникъ», затѣмъ переведенъ къ дьячку, гдѣ проходилъ псалтырь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 года полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, косилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не счелъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такія знаменитыя заведенія, подъ ру-

ководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жь выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ разсказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣньѣ, и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми поколѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонію нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортички и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Ѳеодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Ѳедору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моей у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой пріѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу, а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полкъ нашъ, по распоряженію начальства, двинутъ въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывшій Новороссійской генералъ-губернаторъ, князь Воронцовъ, пріѣхалъ въ Крымъ; онъ потребовалъ отъ полка офицера, для посылокъ съ депешами къ великому князю Михаилу Павловичу въ Брайловъ. Отецъ, за смер-

тію командира полка, принялъ его въ командованіе, я же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное къ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Браиловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ приказанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подкрѣпляемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтѣ тихо подошли мы къ главной батареѣ и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженей летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ приказаніе отправиться къ полку, шедшему на мѣстечко Рійны, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалъ, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду.»

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакчахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунаѣ; здѣсь оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильные гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полкъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ шедшимъ къ Шумлѣ и въ про-

женія всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шумлы двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавь на лошади, чрезъ рѣку Камчикъ. Широта ея не превышаетъ десяти саженъ; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $^4/_5$-хъ, въ количествѣ 2 т., переправились благополучно, сбили туровъ съ позиціи и тѣмъдали возможность двинуться нашимъ колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади — а не на бѣлой, эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиной, болѣе не позволялъ себѣ ни на какія отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисеврію и Ахіолъ. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку къ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалерію въ 700 человѣкъ, вступилъ съ нею въ бой, опровинулъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерею: трофеи состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адріанополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года, полкъ выступилъ на зимовыя квартиры въ Румилію. 21 апрѣля—выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ, я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года, командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступле-

ния его въ 1837 году на Донъ. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинуть въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, подъ прикрытіемъ одной сотни; горцы, видѣли эту оплошность и вознамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человѣкъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и уздеей. Въ ночь, подъ 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастьбу лошади, гикнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому, что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ разсчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей конной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастьбу не выпускались.

По заведенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать разъѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники разъѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Разъѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоты, спустился въ Чамлыку; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ разъѣздомъ; чрезъ четверть часа показался скачущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати разъѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ версты отъ крѣпости втрѣтился съ ними, но въ бой не всту-

пилъ, считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человѣкъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выступленія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣгали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать. — Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партіею; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе, — эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ:—между этими рѣками, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле, — и въ виду крѣпости бросились на меня въ шашки; бывши готовою къ таковому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ аттаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жъ оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Прошелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать аттакъ: у меня выбыло изъ строя до 20 человѣкъ.

Послѣ седьмой аттаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой аттаки является Никединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: «скажи головорѣзу, если унего нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется».

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ? Отвѣтъ: «еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ».

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замокли, минута настала критическая; къ счастію аттака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова*), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ

*) Впослѣдствіи убитъ. Я. В.

на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совмѣстно съ братію со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить»?

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще аттакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоемъ распоряженіи, съ первою — я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жь минуту подкрѣпи своими пиками; но если перевернутъ меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая аттака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня сѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замокшіе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передушитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жь цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! впередъ!»

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка— поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за шашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человѣкъ *).

Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ плѣнъ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

*) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи линейныхъ казачьихъ станицахъ. Я. В.

Подойдя къ крѣпости, верстъ за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владиміра 4-й степени; Поляковъ — Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польшѣ, въ полку Радіонова. Въ 1845 году, экстренно командированъ на лѣвый флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывши маіоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Куринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, я-жъ, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ, и передалъ его подполковнику Полякову *); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почему переѣхалъ въ крѣпость Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмѣ его, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныхъ, останавливаюсь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытные. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12-т. рогатаго скота и до 40-т. овецъ; ни одна партія, спускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среды ихъ удавалось возвращаться по добру — по здорову. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и платя имъ хорошія деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ такъ, что

*) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтерн-офицеромъ въ полку Жирова. Я. В.

горцы къ исходу 1853 г. прекратили свои налеты въ наши предѣлы. Горцы называли меня — даджаломъ, въ переводѣ на русскій языкъ дьяволъ, или отступникъ отъ Бога.

Въ декабрѣ 1851-го года бывшій начальникъ лѣваго фланга, князь Барятинскій вызвалъ меня въ Грозную, гдѣ я получилъ отъ него приказаніе, съ января мѣсяца приступить къ окончанію начатой просѣки отъ укрѣпленія Куринскаго къ рѣкѣ Мичуку, и во что бы то ни стало перейдти ее и очистить лѣсъ по лѣвую сторону, насколько будетъ возможно. При этомъ я долженъ торопиться въ приведеніи въ исполненіе этихъ задачъ потому, что онъ, кн. Барятинскій, выступитъ изъ Грозной на Шалинскую поляну, займется продолженіемъ просѣки къ Автурамъ, откуда двинется чрезъ Большую Чечню, Маіоръ-Тупъ въ Куринскъ, и о боевомъ движеніи заблаговременно дастъ мнѣ знать съ тѣмъ, чтобы я съ моими силами вышелъ на встрѣчу.

5-го января 1852 г. я сосредоточилъ изъ крѣпостей Кумыкской плоскости три баталіона пѣхоты: мой № 17 полкъ, сборный казачій линейный и восемь полевыхъ орудій; приступилъ къ рубкѣ лѣса; въ теченіе мѣсяца дошелъ до Мичука и послѣ боя, продолжавшагося два часа, переправился на лѣвую сторону; очистивъ къ 16-му февралю 1852 г. лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 саженъ, 17-го числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха, а въ полдень того-жъ дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, дали мнѣ знать: за Мичикомъ, по направленію къ Автурамъ,— слышны не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный ружейный огонь. Взявъ четыре сотни моего полка, по просѣкѣ выѣхалъ на Кочкольковскій хребетъ, оттоль услыхалъ въ Маіоръ-Тупѣ сильную перестрѣлку. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а какъ Маіоръ-Тупъ отъ Куринска въ 15 верстахъ, то навѣрное ночью получу съ лазутчикомъ записку выступить на соединеніе. Въ этотъ моментъ, по роспускѣ войскъ, у меня осталось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ и одно орудіе, а поэтому съ высотъ тѣхъ я написалъ записку карандашемъ, въ укрѣпленіе Герзель-Аулъ, въ 15 верстахъ, къ полковнику Кѣтиореву: оставить въ крѣпости одну роту, а съ двумя при орудіи, выступить ко мнѣ; другую записку отправилъ на постъ Караганскій въ 17 верстахъ; изъ него потребовалъ двѣ сотни казаковъ.

Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытанныхъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить, по принадлежности, во что бы ни стало.

Требуемыя части прибыли къ полуночи. Вслѣдъ за ними явился отъ Барятинскаго лазутчикъ съ запиской; сказано въ ней: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой, и ожидать его отряда. Минутъ чрезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ скопищемъ, до 25,000, сталъ за Мичукомъ, противу моей просѣки, и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ, и онъ вóвремя успѣетъ воспрепятствовать моему движенію.

Мѣстный наибъ съ почетными стариками,—какъ я узналъ о томъ чрезъ лазутчика моего—явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: «Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней; она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мыши!» Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты, и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ.

Въ два часа ночи, съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся я чрезъ Кочкольковскій хребетъ гораздо правѣй просѣки, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики чрезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца сталъ на указанномъ мѣстѣ; соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошелъ въ авангардѣ. Подкрѣпляемый четырьмя баталіонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами. Расположась въ нихъ, пропустилъ весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ чрезъ Мичукъ, и только къ полночи пришелъ въ Куринскъ.

За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4-й степени; но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братій; изъ полка моего выбыло убитыми: храбрѣйшій маіоръ Банниковъ, до 70 казаковъ, ранено два офицера и до 50 казаковъ; подо мною убиты три лошади.

«Во время рубки лѣса, съ 5 января по 17 февраля 1852 г., былъ слѣдующій случай: въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мой

знаменитый лазутчикъ Алибей. Когда онъ вошелъ, я привѣтствовалъ его на туземномъ языкѣ: «Маршудю»*). Отвѣтъ: «Марши Хильи» **). Мой вопросъ: «не хабаръ? Метъ Али» ***).

Вдругъ вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимавшимъ туземный языкъ, но чрезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая о чемъ Алибей пришелъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передавать на русскомъ языкѣ: «я пришелъ сказать тебѣ: Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлка, который въ 50 саженяхъ, подкинувши яйцо къ верху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычку постоянно выѣзжать на курганъ, противу оставленной нами за Мичукомъ батареи, вотъ въ ней будетъ сидѣть этотъ самый стрѣлокъ, и, какъ только ты выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ, и посовѣтовать—не выѣзжать на тотъ курганъ.»

Поблагодаривъ моего Алибея, далъ ему бешкешъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о хабарѣ Алибея ужъ зналъ каждый солдатъ; мое положеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—явно долженъ показать себя струсившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось какое-то во мнѣ хвастолюбіе: я рѣшился ѣхать на курганъ****). Не дойдя саженей съ 300, остановилъ колонну; съ пятью вѣстовыми поѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстового мой штуцеръ; выѣхалъ на курганъ; сталъ лицомъ къ батареѣ. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной міріады мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на брустверѣ винтовка. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла влѣво, не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣлокъ, увидѣвъ меня сидящаго на лошади, опустился въ батарею. Видѣнъ взмахъ руки—прибиваетъ зарядъ; вторично показалась вин-

*) Здравствуй.

**) Благодарю за здоровье.

***) Что новаго? Разсказывай.

****) Разстояніе отъ кургана, чрезъ рѣку Мичукъ, къ батареи около 150 саженъ. Я. В.

товка; послѣдовалъ выстрѣлъ: пуля взяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный неудачностью выстрѣловъ стрѣлокъ вскочилъ на брустверъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлалъ выстрѣлъ, и мой соперникъ навзничь полетѣлъ въ батарею: пуля попала въ лобъ, прошла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули «ура», а чеченцы за рѣкой выскочили изъ-за заваловъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ, начали хлопать въ ладоши «якшы (хорошо) Бокау! Молодецъ Бокау!»

Неудачностью выстрѣловъ стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ «Бокау *) убьетъ», то на это ему сказали слѣдующее: «О тебѣ мы слышали: ты на лету изъ винтовки пулею разбиваешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли,—на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому-жъ должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ, онъ знается съ шайтанами **). Знай, если ты промахнешься, онъ непремѣнно убьетъ тебя».

— «Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я закачу мѣдную пулю; отъ нея не спасутъ его шайтаны!

Вотъ вся причина, отчего не были вѣрны выстрѣлы; у прицѣливавшагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширялись и мѣткость у стрѣлка пропала.

29-го января 1853 г. князь Барятинскій съ войсками изъ Грозной пришелъ въ Куринскъ, и приступилъ къ рубкѣ лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, съ цѣлью построить укрѣпленіе. Съ 6-го по 17-е февраля лѣсъ на высотахъ и по склону къ Мичуку былъ вырубленъ. Необходимъ переходъ чрезъ Мичукъ; но берега ея, при впаденіи въ нее рѣки Ганзовки, съ обѣихъ сторонъ отвѣсисты саженъ на восемь; по лѣвую сторону Шамиль съ 40,000 скопищемъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинъ. Открытый проходъ былъ немыслимъ потому, что потеря въ войскахъ

*) На чеченскомъ языкѣ—левъ.

**) Съ чертями. Я. Б.

могла быть на половину отряда, а успѣхъ сомнителенъ. Требовалось обходное скрытное движеніе.

16-го февраля Барятинскій, вечеромъ, призвалъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: «дѣдъ*), переходъ чрезъ Мичукъ открытый — повлечетъ страшныя потери; ты знаешь всю мѣстность, не можешь-ли обойдти во флангъ Шамилю?»

Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое непріятелемъ. Въ отвѣтъ сказано: «время нетерпитъ; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти!»

Возвратясь въ мою ставку, призвалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника Скопина (нынѣ есаулъ), приказалъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, къ разсвѣту возвратиться и сказать: удобна-ль переправа, и не сторожатъ-ли тамъ чеченцы?

Скопинъ возвратился и сообщилъ: «переправа удовлетворительна, стражи нѣтъ.»

Ту-жъ минуту я отправился къ Барятинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть.

«А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войска?» спросилъ князь.

Я сказалъ: «позвольте мнѣ взять Куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизіонъ драгунъ, нижегородцевъ, сборный линейный казачій полкъ и восемь орудій».

— «Бери и иди съ Богомъ; надѣюсь на тебя, съумѣешь выполнить мое порученіе, я-жъ сейчасъ двинусь къ Мичуку, открою артилерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе.»

Выходя отъ кн. Барятинскаго, я попросилъ, что если я, сверхъ чаянія, буду непріятелемъ открытъ и завяжется у меня съ нимъ дѣло, то не посылать мнѣ на выручку ни одного человѣка, потому что это будетъ напрасный трудъ, никакія вспомогательныя силы не спасутъ моего отряда, а только увеличатъ потерю.

Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочкольковскаго хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечомъ и чрезъ дремучіе

*) Такъ онъ всегда называлъ меня. Я. В.

лѣса и овраги дошелъ до Мичука; переправился никѣмъ незамѣченный, и направился внизъ по Мичуку. Къ часу по полудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Опеломленный такимъ нежданнымъ гостемъ, имамъ отступилъ отъ Мичука, и Барятинскій со всѣми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потеря, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ, ограничилась десятью или пятнадцатью убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кстати замѣчу. Командиръ кабардинскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Николаи получилъ Георгія 4-й степени, за смѣлую (!) отвагу: первымъ опустился по веревкѣ въ Мичукъ о бокъ моей колонны. Вотъ ужъ подлинно гласитъ поговорка въ народѣ: не родись красивъ, а родись счастливъ.

А вотъ настоящій, заправскій примѣръ — не только отваги, но и полнѣйшаго самоотверженія: 25 февраля 1853 г., въ сильномъ бою при истребленіи ауловъ Денги-Юртъ и Али-Юртъ, бывши колоннымъ начальникомъ и распоряжаясь войсками, я не обратилъ вниманія на Шавдонку, топкій ручей; чрезъ него безъ моста переходъ—немыслимъ; широта его саженъ семь. По лѣвой сторонѣ пни отъ срубленаго лѣса и колоды, изъ-подъ нихъ нѣсколько десятковъ винтовокъ направлены были въ меня. Мой знаменитый пластунъ Скопинъ, бывши позади увидалъ страшную для меня грозу; выскочилъ впередъ и остановился предо мной; послѣдовали выстрѣлы; пуля пронзила ему правое плечо; облитый кровью, Скопинъ съ лошади не упалъ, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, это готовилось для васъ, я-жь изъ зависти принялъ на себя; надѣюсь, вы не будете за это ко мнѣ строги». Таковымъ случаемъ былъ пораженъ весь отрядъ.

Скопинъ имѣетъ три знака отличія св. Георгія.

Въ 1857 г. я былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся; въ концѣ 1859 года отчисленъ въ войско Донское, гдѣ, по выборамъ дворянства, въ 1861 году выбаллотированъ окружнымъ генераломъ второго военнаго округа.

Я. П. Бакланов.

Примѣч. О многочисленныхъ подвигахъ Бакланова, во время его кавказской боевой жизни—ходятъ множество разсказовъ. Старые кавказскіе воины передаютъ ихъ съ особенною любовью. Изъ многихъ эпизодовъ, нами слышанныхъ,

мы позволимъ себѣ привести изъ записной книжки одинъ,—въ которомъ особенно выпукло выдѣляется типическая черта кавказца-ветерана: именно его преданность долгу до полнѣйшаго самоотверженія. 19 декабря 1853 года, Бакановъ выступилъ изъ крѣпости Грозной съ колонною для рубки лѣса на ближнихъ высотахъ. Отсюда Яковъ Петровичъ услыхалъ производившуюся въ десяти верстахъ, между рѣками Сунжой и Аргуномъ, на Чортугаевской переправѣ, сильную орудійную пальбу. Оставя пѣхоту продолжать работы, Бакановъ съ кавалеріи, состоящей изъ 2500 человѣкъ полковъ казачьихъ, двухъ донскихъ, одного линейнаго и дивизіона дунайскаго войска, пошелъ чрезъ лѣса въ полъ-карьера; пройдя по лѣвой сторонѣ Аргуна верстъ шесть, отрядъ встрѣтилъ горцевъ: они шли, въ количествѣ до 4 т. всадниковъ, къ Аргуну отъ Сунжи. Произошелъ бой. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія,—вся масса непріятелей была опрокинута и бросилась бѣжать, устилая землю трупами. Въ первый моментъ схватки, былъ сильно раненъ, пулею въ лѣвую ногу, старшій сынъ Бакланова — Николай Яковлевичъ. Когда сынъ палъ,— отецъ этого не видѣлъ: онъ былъ въ отдаленіи, во главѣ резерва, который шелъ вслѣдъ за бросившимися въ пики и въ шашки казаками, готовый ежеминутно поддержать удальцовъ. Вдругъ отецъ-Бакановъ наткнулся на командира донского полка—храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—полковника (нынѣ генералъ-маіора) Ежова. Полковникъ стоялъ пѣшій и плакалъ. Бакановъ съ укоромъ спросилъ: «Это что значитъ»?

— «Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына», — отвѣчалъ Ежовъ.

Старый воинъ не взглянувъ на сына, съ горячностью обратился къ полковнику Ежову. «что-жъ, что палъ молодецъ казакъ — онъ былъ впереди, но вы-то, господинъ Ежовъ, по какому праву остались надъ однимъ раненымъ, бросивъ на произволъ судьбы ввѣренныхъ вамъ восемьсотъ сыновъ вашего полка? На конь! Къ своимъ храбрымъ сынамъ! Иначе изрублю въ куски!»

Ошеломленный Ежовъ вскочилъ на лошадь и, какъ стрѣла, помчался впередъ. Раненый молодой Бакановъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Отцу было не до сына; генералъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могли оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которые ударятъ на разстроенныхъ скачкою казаковъ и побѣда смѣнится пораженіемъ. Съ цѣлью предотвратить таковую случайность, генералъ Бакановъ пронесся съ резервомъ впередъ и не только ни на минуту не остановился надъ сыномъ, но даже не счелъ возможнымъ оставить при немъ казака.

Горцы были окончательно разбиты. На возвратномъ пути казаковъ, раненый былъ взятъ на устроенныя изъ пикъ носилки и доставленъ въ крѣпость Грозную. Отъ этой раны, молодой Бакановъ (нынѣ подполковникъ) пролежалъ почти годъ безъ движенія.

Съ 1845 г. по 1853-й г. за многочисленныя дѣла съ горцами, слава о которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ, Я. П. Бакановъ произведенъ въ подполковники, полковники и въ генералъ-маіоры; награжденъ золотою саблею, Владиміромъ 3-й степени, Анною 2-й степени, Георгіемъ 4-й степени и Станиславомъ 1-й степени. Ред.

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова*).

V.

Въ 1863 году въ маѣ мѣсяцѣ изъ должности окружнаго генерала въ землѣ Войска Донскаго, по высочайшему повелѣнію, командированъ я въ Вильну въ распоряженіе генералъ-отъ-инфантеріи Муравьева. По прибытіи получилъ назначеніе завѣдывать всѣми донскими полками въ округѣ состоящими. Я принялъ новое назначеніе тѣмъ съ бо́льшею радостью, что надъ дорогимъ отечествомъ висѣла грозная туча: всѣ ждали, что западная Европа двинетъ на насъ свои полчища...

Въ концѣ 1863 г. Августовская губернія подчинена Муравьеву. Для принятія и управленія ею онъ командировалъ меня, съ правомъ судить участвовавшихъ въ мятежѣ, приговаривать виновныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, и въ Сибирь на поселеніе, и не ожидая его конфирмаціи, приводить приговоры въ исполненіе; при этомъ я долженъ былъ обо всемъ доносить Муравьеву подробно.

Наканунѣ выѣзда моего явясь вечеромъ къ Муравьеву, для полученія личныхъ приказаній, я счелъ долгомъ объяснить ему, что вся Августовская губернія оставлена беззащитною; находящіяся тамъ войска стянуты въ города и мѣстечки. Повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома, и, по моему соображенію, беззащитный людъ, по требованію ихъ, даетъ все,

*) Смотр. «Русскую Старину» 1871 г., т III-й, ст. 1—15.

что имъ нужно; то какъ онъ прикажетъ мнѣ смотрѣть на уступчивость повстанцамъ со стороны жителей?

Муравьевъ, перебивъ мой докладъ, спросилъ: «а отъ кого вы имѣете такія свѣдѣнія, не бывши въ той губерніи?»

Я отвѣчалъ, что эти свѣдѣнія переданы мнѣ многими донскими офицерами, которые, преслѣдуя повстанцовъ, вдавались далеко въ глубь губерніи, и всюду слышали ропотъ отъ жителей, что они оставлены безъ защиты со стороны мѣстныхъ войскъ.

— «Такъ или иначе, сказалъ Муравьевъ, а должны отвѣчать, по всей строгости закона, всѣ тѣ лица, кто позволилъ себѣ снабжать повстанцовъ чѣмъ-бы то ни было. Вы напрасно трудитесь дѣлать мнѣ подобные вопросы; у васъ есть въ рукахъ полнѣйшія мои инструкціи, по которымъ прошу дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій».

На это я ему сказалъ слѣдующее: — «Позвольте мнѣ ваше превосходительство сдѣлать вамъ нескромный вопросъ объ одномъ предметѣ, который въ инструкціяхъ вашихъ не предусмотрѣнъ».

— «Говорите, я слушаю васъ».

— «Поставьте себя на мѣсто поселянина Августовской губерніи; еслибъ къ вамъ, беззащитному, явились повстанцы съ требованіемъ имъ нужнаго, и, въ случаѣ вашего отказа, вамъ угрожала-бы смерть, то рѣшились-бы вы на послѣднее?»

Муравьевъ, подумавши немного, сказалъ: — «Жизнь для каждаго дорога, вы правы вашимъ докладомъ. Прошу васъ смотрѣть на сдѣланныя жителями послабки мятежникамъ сквозь пальцы; но если при васъ кто позволитъ себѣ снабжать повстанцовъ, нещадить!»

18 сентября, съ войсками, состоящими изъ 22-хъ ротъ пѣхоты, полковъ: преображенскаго, измайловскаго и семеновскаго, съ полками драгунскимъ и донскимъ казачьимъ, двинулся я изъ Вильны слѣдующимъ порядкомъ: генералъ-маіоровъ Дубельта и князя Барятинскаго, съ частями войскъ, направилъ по желѣзной дорогѣ чрезъ Ковно. Первый, по прибытіи въ Вилковишки, долженъ былъ идти къ городу Кальварія; второй, высадившись въ Коцловой Руди, перейдя Нѣманъ, слѣдуетъ чрезъ мѣстечко Серію въ Сейны. Обоимъ приказано тщательно осмотрѣть всѣ прилегающія къ ихъ пути боковыя мѣста; дойдя до назначен-

ныхъ мѣстъ, если не встрѣтятъ мятежниковъ, остановиться, и ожидать дальнѣйшихъ моихъ распоряженій; я же съ моими войсками по желѣзной дорогѣ прибылъ въ городъ Гродно, при чемъ отдѣливъ часть войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дена, направилъ ихъ, чрезъ дамбовый шлюзъ (на Августовскомъ каналѣ), на мѣстечко Граево, съ тѣмъ, чтобъ дойдя до него, повернуть круто лѣвымъ плечомъ, раскинувъ на далекое разстояніе боковые конные разъѣзды; затѣмъ двинуться къ Райграду, на пути осмотрѣть всѣ лѣса; по прибытіи въ Райградъ, остановиться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Съ остальными частями войскъ, чрезъ мѣстечко Липскъ, я двинулся къ городу Августову; отъ него прошолъ по Августовскому каналу, по направленію къ Нѣману въ мѣстечко Сапочкинъ; чрезъ м. Сейны прибылъ въ городъ Сувалки, оставивъ въ Липскѣ и Сапочкинѣ самостоятельные отряды; цѣль такого раздробленія моихъ войскъ была та, чтобы разомъ, со всѣхъ сторонъ охватить всю губернію и очистить отъ бандъ.

Генералъ Дубельтъ, на пути слѣдованія въ Кальварію, открывъ незначительную партію, всю ее уничтожилъ. Князь Барятинскій, между Серію и Сейнами, настигъ значительную партію: изъ нея никто не спасся, а легли костьми.

Со вступленіемъ моимъ въ управленіе Августовской губерніей, всѣ, бывшія до моего прихода, войска, принадлежавшія къ варшавскому округу, двинулись въ распоряженіе графа Берга. Изъ Сувалокъ ко всѣмъ начальникамъ частей моихъ войскъ, стоявшихъ въ Кальваріи, Сейнахъ, Сапочкинѣ и Райградѣ, послана мною дислокація, съ указаніемъ каждому раіона, съ строгимъ обязательствомъ осматривать ежедневно, посредствомъ сильныхъ конныхъ разъѣздовъ, всѣ входящія въ раіонъ мѣстности, а ежели укажетъ надобность, откомандировывать отдѣльныя части пѣхоты, для занятія болѣе важныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено всѣмъ жителямъ разрѣшеніе мое, въ случаяхъ появленія мятежниковъ, при требованіи ими продовольствія, не подвергая себя разнымъ истязаніямъ за отказы, давать все, и за это отвѣтственности никто не подвергнется, но только при соблюденіи слѣдующихъ условій: по выходѣ мятежниковъ, въ туже минуту сообщать о томъ ближайшимъ войскамъ, или разъѣзду, съ указаніемъ куда мятежники направились. Если-жъ кто-либо не исполнитъ моего распоряженія и не дастъ знать своевременно, какъ это не

рѣдко бывало до моего прихода, то все имущество виновныхъ будетъ разграблено, жилище сожжено; а сами, отъ мала до велика, поплатятся жизнію. Сознаю самъ, что мѣра эта слишкомъ жестока; многіе вправѣ назвать ее варварскою, но, благодаря Бога, не пришлось такой угрозы приводить въ исполненіе, а чрезъ двѣ недѣли о бандахъ не было слуху: совершенное спокойствіе водворилось по всей губерніи.

До моего прибытія въ Августовскую губернію, никто не могъ въ ней пускаться безъ конвоя, а почты изъ Сувалокъ въ м. Ломжу отправлялись подъ прикрытіемъ роты пѣхоты.

Вотъ случай. Чрезъ 15 дней по вступленіи моемъ въ управленіе отдѣломъ, является сувалкскій почтмейстеръ съ докладомъ. Начинается между нами слѣдующій разговоръ:

— Ваше превосходительство, почта готова къ отправленію.

— Ну, такъ чтожъ, за чѣмъ у васъ остановка; съ Богомъ, въ путь.

— Ваше превосходительство, нуженъ конвой.

— Это зачѣмъ?

— Ваше превосходительство, предмѣстниками вашими почта отправлялась подъ сильнымъ конвоемъ.

— А при мнѣ — безъ единаго человѣка, кромѣ ямщика, да вашего, господинъ почтмейстеръ, почтальона.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, если ее разграбятъ?

— А, понимаю, вы хотите сказать на кого тогда падетъ отвѣтственность? Я ее беру на себя, и посмотрю какъ оборванцы воспользуются ею. Вамъ же приказываю сейчасъ отправить почту съ однимъ почтальономъ.

Почта до Ломжы прошла благополучно, равно и послѣдующія за ней. Въ объясненіе моей увѣренности, что никто не нападетъ на почту, долженъ указать на очень простую причину: всѣмъ владѣльцамъ земель было отъ меня объявлено, ежели, сверхъ чаянія, случится на ихъ землѣ какое-либо происшествіе, они отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ и головами. Этою мѣрою я заставилъ ихъ оберегать свои владѣнія и жизнь; они были увѣрены, что приговоръ мой будетъ исполненъ въ точности, ибо общее ихъ обо мнѣ убѣжденіе было то, что я чело-

вѣкъ дикій и варваръ, какъ гуннъ, и что я не питаюсь мясомъ животныхъ, а пожираю дѣтей.

Таковое обо мнѣ мнѣніе мѣстныхъ польскихъ жителей случайно открылъ мой адъютантъ, на мызѣ Ятршебно, когда остановился здѣсь съ войсками на дневку, и для осмотра окрестныхъ лѣсовъ. Жена арендатора, блѣдная какъ смерть, обращается къ адъютанту съ вопросомъ на польскомъ языкѣ:

«Повѣдзь мнѣ, коханый адъютантъ, ктурыхъ панъ янаралъ уважа дѣти, тлустыхъ альбо мизерныхъ?»

Адъютантъ, посмотрѣвши на нее, отвѣчалъ: «ни того, ни другого, моя пани».

Когда онъ передалъ мнѣ объ этомъ, я строго запретилъ опровергать такіе толки, а напротивъ поддерживать, потому что подобное настроеніе умовъ много поможетъ къ водворенію спокойствія въ губерніи.

По справкамъ оказалось, когда арендаторъ узналъ, что я иду на его мызу, дѣтей своихъ, отъ мала до велика, отправилъ за пять миль къ родственникамъ. Впослѣдствіи я видѣлъ арендаторшу и шутливо вспоминалъ объ ея страхѣ; она, бѣдная, краснѣла какъ вареный ракъ.

12 октября 1863 г. я получилъ предписаніе отъ Муравьева: заарестовавъ поименованныхъ въ присланномъ ко мнѣ спискѣ лицъ, доставить ихъ въ Вильну, для отправленія въ отдаленныя губерніи на житье. Такое распоряженіе сильно возмутило меня: не обнаруживъ слѣдственнымъ путемъ виновность, схватывать и ссылать; я счелъ это произволомъ, чего не должно быть допускаемо никѣмъ. Я вознамѣрился не исполнять полученнаго распоряженія, но обсудивши, что ни къ чему не поведетъ мой протестъ, остановился до удобнаго случая. Изъ числа заарестованныхъ и отосланныхъ въ Вильну чрезъ нѣсколько дней возвращены на свободу, совѣтникъ губернскаго правленія Любинскій и секретарь магистрата Любанскій, а президентъ города Сувалокъ Ростишевскій сосланъ въ Уфу. По выѣздѣ его, жена слегла въ постель и чрезъ мѣсяцъ сошла въ могилу, — остались дѣти круглыми сиротами: дочь 16 лѣтъ, два сына 9-ти и 6-ти лѣтъ, безъ крова и насущнаго хлѣба. Отецъ, какъ послѣ я узналъ, былъ человѣкъ честный, при занимаемой должности избѣгалъ взятокъ, довольствовался получаемымъ содержаніемъ, и

былъ чуждъ мятежу. По смерти матери, дѣти съ воплемъ обратились ко мнѣ, прося спасти ихъ отъ нищеты, возвративъ имъ отца. Я не былъ въ силахъ удовлетворить ихъ просьбы; но не дѣлая явнаго отказа, утѣшалъ, что со временемъ отецъ будетъ имъ возвращенъ.

По принятіи мною отдѣла, я первымъ долгомъ счелъ осмотрѣть тюрьмы. Въ нихъ я нашелъ столько заключенныхъ моими предмѣстниками, что, какъ говорится, они сидѣли тамъ, какъ въ бочкахъ сельдей набиваютъ. По наведеннымъ справкамъ въ военно-слѣдственной и судной коммиссіяхъ, о многихъ изъ арестованныхъ не только не было вовсе письменныхъ уликъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, но даже неизвѣстно, кѣмъ они были заарестованы и когда. Я приказалъ составить таковымъ списки, и затѣмъ выпустилъ ихъ на свободу въ два періода: въ первый день новаго года, и въ день пасхи по 60 человѣкъ. Съ восходомъ солнца, въ назначенный день эта толпа освобожденныхъ ринулась бѣжать по всѣмъ улицамъ; многіе падали на землю и въ слезахъ цѣловали ее. Виновные-жъ остались въ заключеніи, судились военнымъ судомъ, нѣкоторые приговаривались къ смертной казни, но моею конфирмаціею замѣнялась она ссылкою въ каторжныя работы. Казненныхъ было семь человѣкъ, вполнѣ заслужившихъ такое возмездіе. Имѣнія сосланныхъ въ Сибирь мною не были конфискованы, хотя въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ строго это требовалось, а оставались неприкосновенными во владѣніи наслѣдниковъ.

Нашлись доброжелатели предстать предъ Муравьева съ увѣреніями, что такое смягчительное мое рѣшеніе надъ подсудимыми, не что иное, какъ употребленіе съ моей стороны во зло его довѣренности.

Муравьевъ поколебался.

Изъ получаемыхъ мною отъ него колкихъ бумагъ я понялъ, что противъ меня образовалась интрига.

Я рѣшился ѣхать въ Вильну и объясниться лично. По прибытіи въ Вильну вечеромъ, прямо съ вокзала желѣзной дороги, явился къ Муравьеву; былъ очень холодно имъ принятъ, но послѣ жаркихъ объясненій относительно неприкосновенности имѣній, принадлежащихъ сосланнымъ въ Сибирь лицамъ, онъ видимо началъ смягчаться, а когда дѣло дошло до объясненій причинъ,

заставившихъ меня замѣнять смертную казнь ссылкою въ Сибирь, въ каторжныя работы, то вотъ, слово въ слово, что я сказалъ Муравьеву:

— «Ваше превосходительство! теперь не начало возмущенія 1863 года, а окончаніе; въ моментъ разгара бунта, попадались подъ ножъ и веревку виноватые и правые, послѣднихъ тогда никто не замѣчалъ; въ 1863 году мы казнили за преступленія, а въ настоящемъ году казнимъ изъ мщенія; по моему мнѣнію крутыя мѣры, какъ-бы ни были жестоки, должны приводиться надъ противникомъ своевременно, а не тогда, когда онъ уничтоженъ и безсиленъ. Мои понятія не могутъ сходиться съ вашими, а поэтому позвольте мнѣ не возвращаться въ Сувалки, а уѣхать на Донъ; пошлите на мѣсто меня другого генерала, которому я обязуюсь передать отдѣлъ въ 24 часа. Разставаясь съ вами, я хочу до конца говорить вамъ правду въ глаза. Управляя отдѣломъ не именемъ моимъ, а вашимъ, я старался не наложить на имя ваше чорнаго пятна. На Литвѣ имя ваше злословятъ, но могу васъ увѣрить, что въ Августовской губерніи его благословляютъ».

Выслушавши мое горячее слово, Муравьевъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Счастливъ былъ-бы я, еслибъ имѣлъ всѣхъ такихъ правдивыхъ помощниковъ, какъ вы, но увы!..... Поѣзжайте обратно въ Сувалки, поступайте такъ же добросовѣстно, какъ вы это дѣлали до настоящей минуты».

Поклонившись ему, я началъ просить возвратить президента Ростишевскаго къ осиротѣвшимъ дѣтямъ

Онъ съ запальчивостью мнѣ отвѣчалъ: «Теперь не время намъ разсуждать объ участи дѣтей. На возвратъ — не могу согласиться потому, что я просилъ Государя, ни въ какомъ случаѣ всѣхъ сосланныхъ не возвращать на родину, и они должны тамъ перемереть».

Я видѣлъ, что дальнѣйшее мое домогательство будетъ безполезно; тѣмъ не менѣе попросилъ его выслушать, что тяготитъ мою совѣсть. Онъ согласился.

— «Ваше превосходительство, не позволяю себѣ болѣе утруждать васъ моею просьбою о возвратѣ Ростишевскаго, и не стану говорить, какая будущность ожидаетъ его сыновей, но скажу о дочери: при нищетѣ её ожидаетъ стыдъ, страмъ, позоръ, и б.....

Выяснивъ моему начальнику все то, что можетъ случиться съ этою несчастною сиротою, этимъ я очистилъ свою совѣсть; но будетъ ли легко для вашей души, вы сами будете знать, какъ отецъ семейства».

Сказавъ это, я поклонился и, повернувшись, хотѣлъ выйти, но Муравьевъ остановилъ меня:

— «Яковъ Петровичъ, всякое возвращеніе сосланныхъ на родину немыслимо; но этому горю можно помочь. Я попрошу васъ написать мнѣ рапортъ, въ такомъ родѣ, что Ростишевскій вамъ необходимъ при производимыхъ дѣлахъ. По этому рапорту изъ Уфы онъ будетъ съ жандармомъ прямо доставленъ къ вамъ, и располагайте имъ, какъ вы сами знаете».

Рапортъ былъ поданъ. Чрезъ мѣсяцъ Ростишевскій доставленъ ко мнѣ въ Сувалки. Водворивъ его на мѣсто жительства, я донесъ Муравьеву, что Ростишевскій оказался совершенно правымъ и къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи не подлежитъ.

Муравьевъ въ общественномъ мнѣніи считается варваромъ, а вмѣстѣ съ нимъ и азъ многогрѣшный. Дѣйствія Муравьева подлежатъ суду исторіи — и она произнесетъ свой приговоръ, безъ сомнѣнія, вчужѣ отъ пристрастія и увлеченій современниковъ; что же касается до меня, то я не произнесу въ свое оправданіе ни одного слова, а попрошу всѣхъ и каждаго, кто только желаетъ, спросить перваго встрѣчнаго поляка или польку изъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Августовской; до какой степени я былъ для нихъ варваромъ? и какой получится на мой счетъ отвѣтъ, прошу вѣрить слѣпо.

Этимъ я закончу настоящій отрывокъ изъ моихъ записокъ.

1871 г. Спб. Яковъ Ваклановъ.